

ОТРОК ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ

ДАРЬЯ КУЛЫГИНА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К90

Серия «Суперлуние»

Обложка и иллюстрации: *Саша Готти*
На обложке использована иллюстрация *Марии Колесниковой*
Дизайн обложки: *Владислав Воронин*
Серийное оформление *Юлии Межовой*

Кулыгина, Дарья Владиславовна
К90 Остров перевертышей. Рождение Мары / Дарья Кулыгина. –
Москва: Издательство АСТ, 2018. – 348, [2] с. – (Суперлуние).

ISBN 978-5-17-105572-1

Тамаре четырнадцать, и всю свою сознательную жизнь она провела в детском доме, мечтая выяснить, кто убил ее маму.

Однажды девочку забирает из интерната таинственная незнакомка и увозит на остров, где располагается необычный пансион.

© Дарья Кулыгина, текст, 2018
© Саша Готти, ил., ил. на обл., 2018
© Мария Колесникова, ил. на обл., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Швеция, Линдхольм

— Ларс, что за срочность? — Молодая женщина с увесистой стопкой бумаг появилась в дверях кабинета.

Профессор Эдлунд, сунув руки в карманы джинсов, стоял у окна и смотрел, как бьются о подножие маяка грязно-бурые волны. Ветер трепал верхушку старой липы, которая росла внизу, у главного входа. Штормило второй день кряду, собиралась гроза. Где уж тут насладиться майскими белыми ночами.

— Они прислали статью, Мила. — Профессор обернулся, потер русую щетину. — Посмотри в моем планшете.

Мила оставила документы на массивном дубовом столе, одернула полы твидового пиджака и поверх очков взглянула на экран.

— Девочка из российского провинциального интерната стала призером олимпиады по английскому... — Мила рассеянно пробежала глазами по тексту. — Не понимаю, при чем здесь мы.

— Фамилия, — Эдлунд вздохнул.

ОСТРОВ ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ

— Корсакова, — прочитала Мила и пожала плечами: — Для России не такая уж редкая фамилия... Я понимаю, о чем ты думаешь. Успехи в английском у ребенка из глубинки...

— Они запросили данные, — севшим голосом перебил он. — Посмотри документы. Никаких сомнений. Это ее дочь. Мы должны действовать.

— Но, Ларс, это какая-то бессмыслица! Они обе погибли двенадцать лет назад...

— Там все написано черным по белому! Значит, произошла ошибка. Или кто-то намеренно хотел скрыть ребенка, — он стиснул зубы, на скулах зашевелились желваки. — Идиот! Как я мог ничего не проверить? Нет, ты только подумай! Ей даже не изменили имя!

— Прошло столько лет... И вместо отца — прочерк, — Мила листала изображения. — Даже если это ее дочь, не факт, что способность есть. Я бы не стала рисковать.

— Прояви человечность, — он подошел к собеседнице, мягко сжал ее плечо. — Мы должны помочь ей немедленно. Времени до начала трансформаций все меньше. Хотя бы из уважения к последней воле ее матери.

Миле пришлось поднять голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Она поджала губы, нахмурилась, отчего аккуратные очки без оправы съехали на кончик носа. Мила водворила их на место и отвернулась: испытующий взгляд профессора Эдлунда всегда заставлял ее нервничать. Придется поверить ему. В который раз.

— Ладно, я поеду за ней, — пробормотала она.

— Тебе понадобится помощник? — Профессор довольно усмехнулся, наблюдая, как она сердито поправляет свой безупречный каштановый пучок на затылке.

— Я сама.

Пролог

— Хорошо. Управься за месяц, хочу, чтобы к солнцестоянию она была здесь.

— Да, профессор Эдлунд, — теперь Мила даже не смотрела в его сторону.

— Не сердись, мисс Вукович, — передразнил он. — Это последняя командировка в этом году. И пансион не рухнет без твоей железной руки.

— Пойду к себе, ознакомлюсь с деталями, — она прижала планшет к груди.

— Постой. Можешь работать здесь. Хочу размяться, пока нет дождя. Проверю территорию.

— Уверен? — Ее бровь скептически дернулась вверх. — На ногах не безопаснее в такую погоду?

Профессор Эдлунд снял старинные наручные часы с барометром, положил на стол. На мгновение задержался взглядом на небольшой фотографии в рамке, грустно улыбнулся, погладил стекло. И резко отошел. Стянул ботинки, старый серый свитер, распахнул окно. Порывом холодного ветра со стола сдуло бумаги.

— Именно в такую погоду я люблю летать, — он улыбнулся и перемахнул через подоконник.

Глава 1

ДЕВОЧКА С ОЖОГОМ

Россия, Тверская область

Тома выскочила с лестницы на второй этаж: у младших был тихий час, коридор пустовал. Аккуратно, стараясь не скрипеть кедами, она перебежками добралась до противоположного конца — оттуда вели ступеньки в учительское крыло. Там Кирилл не посмеет ее доставать.

Она обернулась: обидчик уже стоял в дверях главной лестницы и озирался. Заметил ее и замахал в воздухе шарфом. Рука Тома потянулась к горлу, коснулась следа от ожога, изуродовавшего шею от ключицы до правого уха. Кирилл снова украл шарф, под которым она пыталась спрятать шрамы. Сейчас он наверняка мечтал выкрикнуть очередную гадость. Ей тоже хотелось обозвать его, послать забористо. Что-то, а ругаться детдомовская девчонка к четырнадцати годам умела почище боцмана.

Но оба молчали. Нарушишь тихий час, разбудишь хотя бы одного из мелких — и оторвешь воспиталку от сериала. А это каралось страшно — как минимум, чисткой мальчишечьих туалетов клочком тряпки.

Тома ринулась наверх, к спасительной хлипкой дверце. Кирилл ни в жизни там ее не найдет. Достала из заднего кармана ключ — стащила у пьяного трудовика, — торопливо шагнула внутрь и едва успела запереться, как услышала снаружи шаги. Наивный! Пусть попробует теперь ее отыскать! За два года никому в голову не пришло полезть в подсобку, где хранился допотопный столярный инструмент. И сам Михалыч туда заглядывал редко, что уж говорить о других.

От старых поделок пахло древесиной. Тома залезла в дальний угол — в нижнем ящике с отвертками у нее была записка на такой случай. Пакет с леденцами, альбом и карандаши. Она закинула в рот любимую лимонную стекляшку, взъерошила и без того растрепанные короткие волосы и принялась рисовать.

Грифель яростно царапал бумагу, в отрывистых линиях уже угадывалось лицо Кирилла. Оттопыренные уши торчали еще сильнее, чем в жизни, на лице застыло тупое выражение. Голова, превращенная Тамарой в шкатулку, была открыта сверху. Над тем, что она нарисовала внутри, кружили мухи.

Девочка выдрала лист и отбросила в сторону. Что толку в этих картинках? Все равно никто не станет его дразнить. Вокруг Кирилла разрослась целая банда, он верховодил ею, как лев своим прайдом. Никто слова не говорил поперек. Конечно, кому охота было стать его новой мишенью?

Это ее, Тому, избрали прокаженной. Хотя была и Катя с шестью пальцами на правой руке, и Алишер, у которого брови срослись на переносице, и Витя с заячьей губой. Обезображенная шея — не самое страшное, что видели стены детского дома. Самого пожара, убившего ее маму, Тамара не помнила, ей было года два, когда она попала в ожоговое отделение, а оттуда — в детский дом. Страх огня намертво укрепился в

ОСТРОВ ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ

ней, как и боязнь отрастить длинные волосы. Едва ее черные кудряшки начинали касаться шеи, она брала ножницы и сама их отрезала.

Тома прикрывала обгоревшую кожу от чужих глаз, хотя самих ожогов не стыдилась. Это было напоминание о том, что она выжила, а мама — нет. Даже крошечных обрывков информации о пожаре девочке хватило, чтобы понять: там что-то нечисто. Не мог двухэтажный кирпичный дом сгореть в одно мгновение. И почему ее нашли на улице живой, а мама осталась внутри? И отчего именно шея? Тома перелопатила кучу книг: чаще всего от огня страдали руки и лицо... Но шея? Однажды она все собиралась выяснить, а до тех пор — сжать зубы и терпеть подлую травлю.

Законы детского дома просты: либо травишь ты, либо тебя. А Тома никого унижать не хотела. Какие только клички не прицеплялись к Томе! Заморыш, Кощей, Черномазая, Рубанок, Швабра. Одна из последних — Висельник. Учителя плевать хотели на детские разборки, а другие воспитанники... Как-то на ее защиту встала соседка по комнате, Лиза Тимохина. С того самого дня заступницу стали звать Скунсом. Больше желающих впасть в немилость у Кирилла и его дружков не находилось.

Вот и сегодня выдался тяжкий день. Закончился учебный год, Тому выставили на районный конкурс чтецов по английскому. Язык давался девочке на удивление легко, новые слова впечатывались в память сами собой, от скуки она в одиночку прошла учебники на несколько лет вперед.

Первое место за отрывок из «Сна в летнюю ночь» заставил скрежетать зубами не только конкурсантов из престижных гимназий. Директрисе хватило глупости поздравить Тому перед всем детским домом, вручить новенький шарф и томик

Уайльда в оригинале. Ей, уродливой пацанке. Прямо на глазах Кирилла Осипова, который выше тройки с минусом по английскому ничего не получал. Который на последнем уроке прочитал слово *carriage*¹ как «кариаге», за что ему и вклеили в журнал очередную «корягу».

Превосходства над собой Осипов не терпел. Разодранные сказки Уайльда уже засорили канализацию в женской уборной, и на Тому собирался обрушиться завхоз. Виктор Палыч не ведал логики. Чья вещь — тот и виноват. Задуматься, зачем Тамаре уничтожать собственный приз, было бы слишком сложно.

Вдобавок Кирилл носился по корпусу с ее шарфом, изображая висельника, и вслед за ним радостно улюлюкали другие. Такие, как он, ненавидели два типа людей: непохожих на других и отличников. Тамару угораздило попасть в обе категории. Что ж, по крайней мере, труда не будет ближайšie три месяца, а значит, подсобка останется безопасной. И раньше ужина Тома не собиралась ее покидать.

Девочка порисовала немного. Эльфов, орков, всякую сказочную дребедень. Потом взобралась на шершавую косую табуретку: узкое окошко располагалось почти под потолком. Во дворе цвели каштаны, сумерки окрашивали воздух мягкой лавандовой дымкой. За забором виднелся бетонный козырек автобусной остановки и синеватая темень хвойного леса. Там, далеко на северо-востоке, ее ждал Питер. Вот бы выросли крылья — и улететь прямо сейчас! В последние ночи она только это и видела во сне: ветер, простор, внизу крошечные человечки... Но ничего, еще немножко, три года с хвостиком, и она вырвется отсюда. Поступит на переводчика, заработает

¹ Карета (*англ.*).

ОСТРОВ ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ

денег, наймет частного сыщика — самого лучшего, — и он непременно выяснит, кто убил маму.

К воротам детдома подрулила шикарная черная машина. Тонированная, чистая до глянца. Томе не приходилось видеть такие в их глуши. Депутат какой-нибудь или спонсор как пить дать. Сейчас забегают! И точно — завхоз собственной персональной пронесся по дорожке на всех парах. За ним показалась Валентина Семеновна, директриса. Сверху девочка видела только ее непрокрашенную рыжую макушку. Женщина на ходу застегивала парадный пиджак, который хранился в ее кабинете для внезапных визитов начальства.

В любой другой день Томе было бы любопытно посмотреть, как суетится и лебезит их суровая генеральша, но сейчас следовало поспешить. Завхоз отвлекся, и, если получится самой устранить засор, есть шанс, что про наказание забудут.

Она дотянулась до верхней полки стеллажа. Заначки были не только у нее — еще зимой трудовик припрятал там бутылку. Переложит ее Палычу, тот разбираться не станет. Опрокинет — и всего делов. Никаких карательных мер дня два, не меньше.

Тома осторожно приоткрыла дверь — мимо проковыляла старая уборщица. Шарканье и кряхтенье постепенно стихали, тетя Фая спускалась вниз. Девочка выждала немного, вылезла и со всей мочи рванула следом. Перепрыгивая ступеньки, ломанулась на первый этаж, в каморку Палыча. Поставила у тахты бутылку и снова метнулась наверх — теперь уже в туалет.

Мутная вода держалась у самой кромки унитаза, по поверхности плавали обрывки «Кентервильского привидения». Что ж, почитает в другой раз. Обида заклокотала внутри, норовя выплеснуться слезами, но Тома сжала челюсти, привыч-

Глава 1. ДЕВОЧКА С ОЖОГОМ

но заталкивая собственную слабость поглубже. Она не доставит Кириллу такого удовольствия.

Короткие рукава линялой футболки пришлось закатать до плеч, чтобы не замочиться. Она брезгливо зажмурилась, отвернулась. Ее передернуло — но куда деваться. Села на корточки, опустила руку по локоть в ледяную дрянь, стараясь нащупать за изгибом скользкие комки листов.

Английский она знала хорошо, закон Архимеда — хуже. Вода ливанула наружу, на единственные приличные джинсы и просто единственные кеды. Тома выругалась. Шлепнула на кафель первую порцию Уайльда, принялась за следующую. И тут — нет, серьезно, все в один день?! — в уборную вошли старшие.

Тех, кому предстояло покинуть стены интерната в следующем году, за глаза называли дедами. Как в армии. Периодически учителя поручали им наказывать младших ребят. Потому что тот, кто претерпел издевательства на собственной шкуре, обладает прекрасными навыками палача. Стрельцова и Липкина устали на Тому, ехидно улыбаясь.

— Что это у нас Висельник затеял? Никак топиться полезла?

— Ты че, не видишь? Пацанка опоздала на обед, ищет че пожрать.

Девицы заготовали, Липкина вынула мобильник — все нормальные телефоны из пожертвований доставались дедам — и несколько раз щелкнула камерой.

— Ну вот, Корсакова, ты теперь наш раб. Ясно?

— Что надо делать? — без выражения спросила Тома.

Нарываться она не собиралась. Ей до смерти хотелось закричать, вскочить, врезать по мерзким ромам. Колотить их о кафель, пока они не взмолятся о пощаде. И даже плевать, что

ОСТРОВ ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ

они вдвоем. Но они — старшие, и этим все сказано. Слишком высока цена.

— Так, выстираешь джинсы, только не в прачечную передавай, а сама, ручками-ручками. Я проверю. И мне подаешь, — Стрельцова задумчиво оглядывала жертву. — Десерты тоже мои. И полезешь к Вальке, у нее заваялась куча шоколада.

— К Валентине Семеновне? — Тома старалась дышать ровнее.

— А что, ты еще Вальку знаешь? К ней самой. Чтобы у меня был сладкий завтрак, иначе это увидят все, — помахала смартфоном Липкина. — А мы пока посмотрим твои вещички, что-нибудь подберем себе.

Девицы вышли, и Тома уронила голову на грудь. Еще год терпеть эти издевательства! В носу защипало, глаза заволокло влажной пеленой, первая слезинка скатилась по щеке, оставив горячую дорожку. Тамара шмыгнула, отерла лицо сухой рукой. Надо торопиться, пока не зашел кто-то еще. Она один за другим выгребала разбухшие комки бумаги, пока вода с громким хлюпом не всосалась в трубу. То, что когда-то было ее призом, полетело ошметками в мусорное ведро, а главный районный чтец Шекспира пошел к себе в комнату, оставляя на вытертом бугристом линолеуме мокрые следы.

— Что с тобой? — Лиза обеспокоенно вскочила с кровати. — Опять Кирилл?

— И да и нет... Хуже. Я попалась дедам, — с напускным безразличием ответила Тома.

— Капец, Томка! Вот ты вечно от всех огребаешь!

— Судьба такая. Погоди, я штаны переодену, пойдем на ужин. Не слышала, что сегодня дают?

— Треску с морковью.

Глава 1. ДЕВОЧКА С ОЖОГОМ

— Отлично. Идеальное завершение такого дня, — Тамара раздраженно швырнула мокрые джинсы на пол: смысл теперь их беречь?

Дверь в спальню распахнулась, шарахнув по стене.

— Корсакова, тебя Валька ищет. Давай бегом, — в проеме стоял Леха из девятого класса. — Ого, ничесе!

— Леш, уйди, я тебя прошу, — Лиза вышла вперед, чтобы загородить Тамару. — Сейчас она придет. Пожалуйста.

Без зрителей докапываться было скучно, и парень потопал дальше по своим делам. Тома выудила уродскую летнюю юбку, которая повидала не одно поколение воспитанников детдома, натянула на себя и влезла в шлепки — кеды промокли насквозь.

— Думаешь, тебе достанется? — Лиза сочувственно поджала губы.

— Почему я знаю? К Валентине Семеновне вроде какая-то шишка приехала, может, хотя бы показать призера.

— Только бы! На вот, возьми мой шарф. Он, конечно, теплый, но хоть что-то.

— Чуть не забыла... Спасибо, Лиз. Застолби мне место в столовке, я быстро.

Тома старалась сохранять невозмутимость, хотя внутри все трещало по швам. Хотелось упасть лицом в подушку и завывать от отчаяния, но дать новый повод для издевательств? Увольте. Главное — не показывать, что кому-то удалось тебя достать. Тогда травильщикам надоест. Рано или поздно. Наверное. Тома в этом себя убеждала.

В кабинете директора висело густое амбре одеколona. Девочка попыталась дышать ртом, но на язык словно накрошили мыла. Либо Валентина Семеновна хотела скрыть, что курила, либо тут разбился ящик духов.

ОСТРОВ ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ

Напротив стола сидела незнакомая женщина. Шикарная — не то слово. Стройная, в элегантном костюме. Каштановые волосы уложены в гладкую высокую прическу, руки на коленях — как с какой-нибудь музейной картины. Нет, точно не депутатша и не начальница из районо. Слишком худая, и ногти не перламутровые. Она вообще русская?

— Тamarочка, здравствуй, — осклабилась Валентина Семеновна. — Проходи, садись, что же ты. А где красивый шарфик, что я тебе давала?

— В стирке, — соблазн сдать Кирилла был велик, но Тома знала, что бывает со стукачами.

— Вот, познакомься, это Анна Леонидовна. Она хочет взять тебя под свою опеку.

Рядом с Тамарой будто взорвалась граната: в ушах свистело.

— Анна, я говорила вам про шрамы, поэтому девочка закрывает шею, — голос Валентины Семеновны доносился откуда-то издалека. — Корсакова, сними шарф.

А, вот и оно. Теперь понятно. В этот день не могло случиться ничего хорошего. Не с ней. Сейчас красotka ахнет, поморщится и деликатно выкрутится. Тамара отлично знала, какое впечатление производят ее ожоги. Тетка одумается, попросит белобрысого ангелочка из дошколят. Или смазливую Кристинку, раз уж потянуло на подростков. Наверное, не хочет, чтобы мелкие попортили интерьер.

Девочка открыла шею и, не мигая, уставилась в окно. Не станет она никого жалобить.

— Это не имеет значения, — спокойно произнесла посетительница.

Голос у нее был такой же, как и вся она: мягкий, певучий. Тома с недоверием посмотрела на женщину. Та встретила

взгляд ровно, даже доброжелательно. И совершенно не тарасилась на шрамы.

— Ты согласна пойти со мной? — Анна Леонидовна коснулась Тамириной руки.

Она что, шутит? Куда угодно, хоть на край света! Неужели это не сон? Неужели она больше никогда не увидит Кирилла и дедов? Нет-нет, это какая-то шутка. Кому она нужна? Бред. А если все же?..

— Да, — как можно безразличнее ответила она вслух и пожала плечами.

— Могла бы полюбезнее, — проворчала Валентина Семеновна.

— Нет-нет, я понимаю. Ведь мы незнакомы, — загадочная красавица чуть наклонила голову. — Я много слышала о тебе, а ты даже не знаешь, кто я. Не хочешь пройтись?

На мгновение Томе почудился странный, едва уловимый акцент.

— Где? — спросила она.

— У вас в саду. Такой теплый вечер.

— Может, завтра? — встряла Валентина Семеновна. — У детей скоро ужин.

Еще бы директорша не заволновалась! Назвать их двор садом мог только очень воспитанный человек. Вчера опрокинулась одна из лавок, детская песочница пустовала год, а от качелей и вовсе остались одни палки. Кто ж показывает такую разруху богатым гостям?

— Ничего, мы ненадолго. Пусть ей оставят порцию в столовой. К тому же я привезла угощение. Вот, возьми, — Анна Леонидовна извлекла из сумочки красивую золотистую коробочку.

Вот это да! Теперь будет что предъявить дедам! Как бы у них только рожи не треснули от импортного шоколада.

